

Г Л Е Б С О К О Л О В

"КОРОЛЬ ПСИХОВ"

Р О М А Н

Глава первая.
ОНИ РЯДОМ С НАМИ

Евграф Тюрморезов

Солнечным днем по улице столицы шел человек. Пиджак и брюки, приобретенные им накануне в одном из самых дорогих бутиков Кутузовского проспекта, сидели отменно. Воротник белой рубашки слегка велик, но это не портило облика. Напротив, придавало господину артистического шарма. Он уверенно припечатывал к земле подошвы шикарных темно-коричневых туфель. Так, будто пытался оставить ими на асфальте отметины: «Вот, смотри, прохожий, ступивший на эту асфальтированную дорожку часом позже! Здесь не так давно протопал я! Помни об этом обстоятельстве!..» Такой непоколебимой уверенностью веяло от этого человека, так он, казалось, чувствовал себя всегда и везде хозяином положения, что случайно оказавшиеся в этот момент рядом с ним люди невольно засматривались на него, пытались угадать, кто он, по каким делам шагает по этой улице, и в чем заключаются те скрытые от посторонних глаз обстоятельства, которые позволяют ему каждую секунду бросать смелый вызов всем прохожим: старикам, старухам, парням, девушкам. Даже, кажется, детям. Всем тем, кто двигался ему навстречу. Да и самой этой весне!

А она в этом году случилась весьма бурной и ранней. Асфальт был сух и везде имел светло-серый оттенок. Кроме, разве что, тех мест, где его только на этой неделе уложили заново.

Никто из этого множества прохожих, шагавших в жизнерадостном настроении рядом с негромко улыбавшимся своим мыслям шикарно одетым господином, не мог и подозревать, что возле них – один из самых опасных и хитрых сумасшедших не только России, но и мира.

Король психов.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Евграф Тюрморезов, - сейчас его звали Семен Файбышенко, - происходил из крестьянской семьи. Даже в развалившемся совхозе, который не покинули только старики да совсем никчемные личности, где никого не удивишь малограмотностью и пороками, его родители прославились темнотой и угрюмым, необщительным нравом. Примерно лет с семи Евграф повел себя странно.

Поначалу мальчик стал уходить на длинные прогулки за окраину деревни.

Евграф выбирался за околицу и шел по дороге, которая вела к коровникам совхоза. Они были расположены примерно в километре от деревни. Совхоз давно уже превратился в акционерное общество, но жизни это в него не вдохнуло. Стадо постепенно исчезло, а земли зарастали сорной травой.

До унылых построек из оштукатуренного кирпича Евграф не добирался, а сворачивал на проселок, петлявший между полей.

Шагая по нему он заходил в самые безлюдные места, выбирал какое-нибудь одиноко стоявшее деревце или телеграфный столб, или копну сена. Садился возле них.

Мальчик замирал и часами сидел с открытыми глазами, глядя прямо перед собой, но ничего не видя.

Так продолжалось всю весну, - она в тот год оказалась ранней и жаркой, - а потом и все лето. В сентябре маленького Тюрморезова принялась мучить тупая, не прекращавшаяся ни днем, ни ночью головная боль. Он просыпался с ней и с ней же погружался в сон. Боль не проходила ни на минуту. Дошло до того, что мальчик, почти никогда не разговаривавший с матерью, подошел к ней, когда она возилась у старой печи, со слезами на глазах попытался пожаловаться... Евграф что-то лепетал, хватался за

голову, - она лишь молча посмотрела на него. Вынула из печи огромный горшок щей. Так и не сказав ни слова, прошла мимо Евграфа в комнату, где у стола сидел, уставившись в одну точку на дешевой клеенке, старший Тюрморезов.

Мальчик пошел к топчану, на котором всегда спал, лег. Часов пять пролежал без движения, вытянув руки вдоль тела, прикрыв глаза.

Вечером Евграф вышел за калитку и отправился по своей всегдашней привычке гулять. Было уже холодно. Время от времени начинал моросить дождичек. Сидеть где-нибудь под деревом невозможно. В такую погоду Евграф обычно приходил к совхозным коровникам. Эти постройки давно опустели. Мальчик пробирался в незапертую дверь, находил себе местечко на каменном бортике внутри коровника, часами смотрел на царившую здесь унылую разруху.

На этот раз до коровников он не дошел.

Евграф Тюрморезов

Никто из множества прохожих не мог так же подозревать и о том, что Евграф Тюрморезов ищет в этом районе другого коварного и расчетливого психа, почти столь же опасного, как и он сам. Задумавшего, как предполагал Тюрморезов, нечто ужасное.

Псих

Поздним вечером приотворилась дверь одной из квартир девятиэтажного дома в микрорайоне, расположенном неподалеку от музея-заповедника «Коломенское». В образовавшуюся щель высунулся острый старушечий носик. Горевшая под потолком шестидесятиваттная лампа накаливания заливала тамбур неярким светом. Прикрывавший ее плафон много лет назад куда-то исчез. Кроме старухиной двери, в тамбур выходили двери еще трех квартир. Две выкрашенные коричневой краской створки, за которыми – лестничная клетка и лифт, заперты. Кто-то, стоявший за ними, еще раз надавил на кнопку. Провода, спрятанные в стену, соединяли ее со звонком в старухиной прихожей.

Резкий звук разнесся по тамбуру. Старуха дернулась: знала, сколь любопытны ее соседи. Ей не хотелось, чтобы гость попался им на глаза. Подавив страх, она поковыляла к двери на лестницу.

«Нечего бояться! Он должен был прийти. Ну и что, что поздно?.. Меня предупреждали».

Старуха в последнее мгновение судорожно пыталась понять, не сделала ли она все-таки какой-нибудь ошибки.

Евграф Тюрморезов

Маленький Тюрморезов сошел с проселка и уселся прямо на холодную сырую землю. Вытянув ноги, он сначала широко расставил руки у себя за спиной, потом оперся на локоть. Ладонки и одежонка перепачкались в глине.

Так он просидел минут двадцать. Потом начал дрожать – все сильнее и сильнее. Холод, который исходил от земли, становился нестерпимым. Мальчик медленно, неловко поднялся. Минуту или две стоял без движения, точно ожидая чего-то. Потом пошел к деревне. Но и до нее он не добрался...

...Его увидел священник из церкви, единственной на всю округу - деревень на пять. Поп Иван, - так его звали здесь, - был человек достаточно молодой. Недавно ему исполнилось тридцать два. Он проезжал по шоссе, петлявшее между полей. До проселка было далеко, но зрение у священника - отменное. Из окна старенького джипа разглядел маленькую фигурку лежавшего человечка.

Не долго думая, Иван затормозил. Съехал прямо на поле, - кювета здесь не было. Осторожно покатил по жнивью...

Тюрморезов лежал уткнув нос в землю и отчего-то поджав под себя левую ногу. Когда поп Иван перевернул мальчика, то обнаружил: глаза его открыты, но зрачки закатились под веки. На священника смотрели два белка в красных прожилках. Тут же взгляд молодого мужчины упал на скрюченную судорогой левую руку мальчика... «Что с ним?!»

Сердце Евграфа билось. В себя он пришел, когда джип остановился у подъезда больницы. Она находилась соседней деревне. Врач, который мог судить о произошедшем только со слов попа Ивана да по отрывочным фразам Тюрморезова: «Болела голова, тошнило, поплохело... Ничего не помню», так и не поставил диагноза. Евграф был бледен, левая рука его слегка дрожала.

С этого дня началась странная дружба попа Ивана и маленького Тюрморезова. Священник в немалой степени заменил мальчику и мать, и отца на том первом, деревенском, этапе его жизни.

Через какое-то время поп Иван начал осознавать, что Евграф – сумасшедший. Но понимание пришло не сразу.

Дарья Дмитриевна

- Дарья Дмитриевна, это очень приличный мужчина. Лучшего квартиранта я вам просто не найду, - агентша, занимавшаяся посредничеством при сдаче квартир, говорила ласковым тоном. Явно находилась где-то на оживленной улице. Старуха, при том, что была туга на ухо, разбирала в телефонной трубке вой сирен и громкое урчание проезжавших грузовиков.

- Но почему так поздно? Это ж почти ночь, - выпалила старуха. – Давайте завтра.

«Прибьет меня и ограбит, - пронеслось у нее в голове. – Какие квартиранты в такую позднень?!»

Но тут же вспомнила своего последнего жильца, который исчез не заплатив. Он-то всегда появлялся не раньше полуночи.

- Ему очень нужно. Причем срочно и именно в вашем районе. Сегодня из гостиницы выехал. У него с одной хозяйкой была договоренность. Та неожиданно передумала.

«Почему передумала?» - рука, в которой старуха держала трубку старенького аппарата, слегка дрожала.

- Он внесет деньги прямо сегодня.

Старуха согласилась.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Вместо прогулок по дальним окрестностям деревеньки младший Тюрморезов теперь часами сидел на каменном полу церкви. Там на стене висело изображение ангела смерти, а под ним у панихидного столика- «кануна» - горели десятки свечей, поставленные за упокой. Сердобольные старушки бросили ему тюфячок. Чтобы от камней не проникал в него холод...

Часто подходил к нему поп Иван и забирал с собой в домик при церкви. В нем прежде жил другой священник, который умер и был похоронен здесь же, на маленьком приходском кладбище. Другие могилы там датировались десятками годами прошлого века.

Для попа Ивана с его женой и тремя детьми домик был слишком мал. Церковные служки, - две пожилые женщины, - использовали его, как хозяйственное помещение. Раньше готовили здесь еду прежнему священнику, обедали сами. Одна из служек недавно померла. Вместо нее никого не появилось.

Другая служка большую часть времени проводила в самой церкви. Домик пустовал. Кроме пары часов в середине дня, когда поп Иван приходил сюда обедать. Если Евграф был в церкви, священник брал его с собой.

Но даже холодной осенью, когда в большой и гулкой церкви было прохладно, а маленький домик стоял жарко натопленным, поп Иван после трапезы выводил мальчика за дверь и замыкал ее на ключ.

Словно он знал, что есть причина, по которой ни в коем случае нельзя оставлять Евграфа в домике одного.

Псих

Человек, который стоял по другую сторону двери, не торопился заходить в тамбур. Он спокойно рассматривал отворившую ему старуху. Точно обдумывал, стоит ли иметь с ней дело.

Дарья Дмитриевна тоже внимательно вглядывалась в квартиранта, но ничего подозрительного в его внешности не обнаружила. Мужчина показался ей довольно молодым. «Эти намеренно из себя строят не пойми кого!.. Выкаблучиваются. По такому не разберешь: то ли жулик... То ли просто дурак дураком».

Презрение, которое старуха испытала к гостю, лишило ее страха. Раз перед ней очередной современный «идиот», значит, самое главное: будет ли пить, станет ли вовремя передавать за комнату деньги? Иных подвохов от «дурака дураком» Дарья Дмитриевна уже не ожидала.

Она отпустила дверь тамбура и поковыляла к своей квартире. Между тем за спиной у нее медленно двигался один из самых опаснейших сумасшедших нынешнего времени. Родом из северного русского города Углич он побывал под чужими фамилиями во многих городах. Везде старался избежать широкой известности. И все же добился ее, хоть и против своей воли. Правда под собственным именем он прославился лишь в нескольких психбольницах тюремного типа, - в тех, где содержались особо буйные и опасные пациенты.

- Вы водку пить будете?.. – спросила старушенция, заходя в квартиру.

Псих поморщился.

- Какую водку?.. Сейчас?.. Зачем? Я не пью.

- Очень хорошо, - пробормотала старушенция потирая руки.

Новый жилец начинал ей нравиться.

Псих зашел в квартиру и осмотрелся. Во владеньях Дарьи Дмитриевны царили порядок и чистота. Мебель и вещи - старые, но хорошо сохранившиеся.

Старенький холодильник, стоявший в тесной прихожей, был куплен три десятка лет назад, но недавно покрыт слоем белой краски. Старушенция сама подновила его. Банку краски притащил из хозяйственного магазина предыдущий жилец. Он просрочил оплату за комнату. Старался подольститься к хозяйственной старухе.

На крашеном холодильнике лежала тоненькая циновочка из бамбука. От старости она растрепалась по краям, была укреплена черными нитками.

Через раскрытую дверь одной из комнат, - их было две и они располагались симметрично по сторонам маленького коридорчика, - виднелся сервант из лакированной древесно-стружечной плиты. На его стеклянной полке в дружбе и согласии уже несколько десятков лет квартировали старенькие часики в виде золотого ключика, фаянсовый олень с ветвистыми рогами, пластмассовый олимпийский Мишка, - эмблема московской олимпиады восьмидесятого года.

На приполке серванта лежали две такие же бамбуковые циновочки, как и на холодильнике. Симметрично одна к другой. На одной из них стояла копилка в виде серой ушастой мышки.

Кроме серванта через полураскрытую дверь была видна низенькая тахта с широкими красными подушками. Поверх них лежал полосатый матрас. На нем - куца белая простынка и грубошерстное одеяло.

Дарья Дмитриевна распахнула дверь шире.

- Вот эта комната... Ее я сдаю. Белье заберу. Но если вам нужно... Только... - старуха замялась.

- Я заплачу, - угадав, что она хочет сказать, произнес Псих. – Скажете, сколько вам надо.

Старушеница на мгновение замерла: к щедрости квартирантов она не привыкла.

«Хотя, черт их всех знает...» - пронеслось у нее в голове.

- Лишнего не возьму.

Теперь ей уже хотелось, чтобы этот человек остался здесь.

Психу у старушеницы тоже понравилось. Григорий Скворцов – это были очередные его вымышленные имя и фамилия, одни из многих, - носил в своей душе необузданный первозданный хаос. Непролазная чаща диких мыслей не поддавалась никакому упорядочению и лечению. Поваленными стволами деревьев в ней любому здравому соображению дорогу перегораживали абсурдные идеи и представления. Но именно потому, что такой чудовищный сумбур содержался внутри его физической оболочки, вне ее пределов он обожал порядок и чистоту. Так бывает у особенно опасных психических больных.

Испытывая острое наслаждение, лже-Скворцов продолжал рассматривать старомодную обстановку. В маленькой прихожей помимо крашеного холодильника стояла допотопная кухонная тумба. Она досталась покойному старухиному мужу по наследству от матери, жившей в собственном домике в Люберцах.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Поп Иван был проницательным человеком. Еще в сельской больнице во время разговора с врачом – «почему такие сложности с диагнозом? Надо обязательно над этим поразмыслить» - он заподозрил в состоянии Евграфа что-то опасное.

Тяжелая болезнь сама по себе таит угрозу для жизни больного, но здесь было еще другое... Сельский священник еще раз заехал к врачу. Уже без мальчика. Говорил с ним. Заезжал к другому, третьему, - они работали в больницах двух ближайших районных центров. Никто не сказал ничего определенного... «Странные физические проявления...» - терзался священник. – «Либо у несчастного мальчика нетипичные симптомы какого-то вполне заурядного заболевания, либо...»

Странно, но щемящая жалость, которую поначалу испытывал поп Иван к маленькому Тюрморезову, улетучилась практически сразу после того, как он узнал его поближе.

Это был не первый деревенский мальчик, которого священник принялся опекать. Почти все здешние семьи принадлежали к разряду крайне неблагополучных. Дети росли так, что больше заботы они бы получали, живя на положении сирот в детском доме. Поп Иван старался по мере сил сделать что-нибудь для каждого из них.

Евграф, как определил для себя молодой священник, «не был жертвой местных обстоятельств». Над ним тяготело что-то другое. Поп Иван сделал этот вывод не на основании фактов. Он руководствовался лишь собственной интуицией. «Словно парень чего-то недоговаривает. Существует у него какая-то иная жизнь, другие обстоятельства, о которых никто ничего не знает... Именно там кроются причины его странного поведения».

Священник отправился в районный центр, долго сидел там в единственном кафе, в котором работал Интернет, бродил по всевозможным медицинским сайтам. Постепенно поиск сузился до тем психиатрии. Поп Иван обнаружил, что симптомы Тюрморезова

могут, - поначалу это показалось священнику странным и невероятным, - сопровождать... Тяжелое психическое заболевание. «Не это ли – то загадочное обстоятельство, которое довлеет над мальчиком?»

Из кафе поп Иван вышел обуянный страхом. Он проклинал себя за него, ему было стыдно, но он не мог совладать с собой. Он вдруг осознал, с какой огромной проблемой может столкнуться в самое ближайшее время. Ведь священник «пригрел» психа. Такого, чья болезнь находится в своем страшном развитии, которое заведет его неизвестно куда. Что тогда поп Иван станет делать со своим подопечным?.. «Вернее, что подопечный станет делать со мной?» - безжалостно переформулировал вопрос поп Иван.

Глава вторая.

ГРУППА ЛИЧНОСТЕЙ

Псих

- Радиоточка... - Скворцов кривовато усмехнулся. Взгляд устремлен на радиоприемник из белого пластика, выпущенный сорок лет назад.

- Она выключена. Плохо работает, - проговорила Дарья Дмитриевна. – Жилец мой, который до вас снимал, ее не слушал.

Скворцов шагнул к допотопному комоду и повернул регулятор громкости стоявшего на нем устройства.

Раздался треск. Но радио не заговорило. Лже-Григорий подался на середину комнаты и громкоговоритель заработал сам собой, видимо от какого-то едва уловимого сотрясения деревянной поверхности, на которой стоял.

Шла передача о панических слухах. В последнее время они распространялись среди населения столицы. Якобы одна хорошо законспирированная террористическая группа планирует осуществить акцию под кодовым названием «Жертвоприношение». Неким варварским способом, - суть его была неизвестна, - одновременно будет умерщвлена тысяча человек.

Информация о «Жертвоприношении» впервые появилась на странном сайте – рупоре «общественного объединения «Группа личностей»». Что за «Группа личностей» понять из сайта было нельзя.

Едва страничка стала пользоваться хоть какой-то популярностью, она оказалась заблокирована.

Вскоре на газораспределительной станции, расположенной рядом с Москвой, был предотвращен сильнейший взрыв. Человек, который едва не устроил его, пытался скрыться. Его преследовали. Он оказался вооружен пистолетом, застрелил охранника. Через пару часов при задержании получил пулю от наряда полиции. Не приходя в сознание, умер в больнице.

Мотивы, по которым злоумышленник хотел взорвать станцию, остались непонятны.

История породила слух: один из врачей этой больницы проговорился другу, что в кармане раненого был обнаружен блокнот. На его первой странице шариковой ручкой нарисовано несколько эскизов эмблемы некоего общественного объединения под названием «Группа личностей». Все рисунки вертелись вокруг темы газовой станции. Она изображена в момент взрыва: море огня, летящие в разные стороны обломки.

Телеканал, старавшийся проводить информационную политику, максимально независимую от властей, сообщил об этом на следующее утро. Сюжет повторялся во всех дневных выпусках. Но в итоговой новостной передаче, выходящей в «прайм-тайм», его уже не было.

На это обратили внимание блогеры, прежде ознакомившиеся с сайтом «Группы личностей».

Каша заварилась... Но масштабной паники на тот момент еще не было. Возникла позже, когда сотни людей, – в основном это были сотрудники средств массовой информации, представители крупных корпораций, – стали получать по электронной почте «подметные письма» от имени «Группы личностей». В них декларировалось намерение устроить в ближайшее время в Москве «Жертвоприношение». И не одно. Следом по ящикам домов в нескольких микрорайонах были разбросаны отпечатанные на ризографе листовки. Содержание у них было то же: трепещите, грядет «Жертвоприношение».

Но и это была не последняя капля.

В прямом эфире одной из рейтинговых и вполне уважаемых радиостанций прошла передача, посвященная угрозе терроризма. Тема общая, но ведущий, принимавший в студии гостей, – нескольких экспертов, – вывел в эфир звонок человека, который достаточно подробно рассказал всю историю с угрозами «Группы личностей». Такой, какой она была известна в тот момент.

В передаче возник жаркий спор о возможности обсуждения подобных тем. Можно ли давать такие звонки в прямом эфире.

Уже после передачи возник скандал. Владельцы станции предъявили претензию ведущему: он не должен был давать слово позвонившему в эфир человеку. Скорее всего, этот слушатель был сам членом «Группы личностей». И использовал радиозэфир для того, чтобы сообщить о ее существовании и ее угрозах как можно большему количеству людей.

Журналист отреагировал на претензии руководства очень резко, начал спорить и был моментально уволен.

Об этом стало известно другим журналистам. Многие его защищали. Развернулась дискуссия: прав он, или нет. Не без вмешательства свыше ее стремительно прекратили.

«На каждый роток не накинешь платок». Информационный ком разрастался.

Вскоре замалчивать угрозы со стороны «Группы личностей» стало бессмысленно. Кодовое название «Жертвоприношение» оказалось известно каждому жителю столицы...

- Мне кажется, глупо идти у них на поводу и пытаться предугадывать какие-то подробности... Газовую станцию они взорвут или Останкинскую башню. Это все чушь! – динамик радиоточки передавал слова ведущего передачи. - Никакой угрозы нет. Это подонки, которые просто хотят взбудоражить общество.

- Согласитесь, они неплохо провели пиар-акцию... - второй голос, видимо, принадлежал человеку, дозвонившемуся в студию по телефону.

Что было сказано следом, Дарья Дмитриевна и лже-Григорий не услышали. Динамик захрипел и смолк.

- Я же говорила: не работает, - шаркая ногами старушенция подошла к комоду и повернула против часовой стрелки регулятор громкости. Скворцов заметил: рука у нее чуть дрожала. – Вы радио любите слушать?.. Мастера тогда надо вызвать. Починить. Не знаю, где чинят. Сами этим занимайтесь, если хотите, - старуха со злостью посмотрела на квартиранта.

Тот опять приблизился к комоду, уставился на радиоточку. Дарья Дмитриевна почувствовала сильное раздражение. «Дался ему этот громкоговоритель!»

Квартирант взял радиоприемник в руки, перевернул его. Схватил лежавшие рядом на столе ножницы, - старуха попяtilась. Ловкими, точно рассчитанными движениями Скворцов открутил несколько винтов и снял заднюю стенку. Она была из плотного картона.

Раньше время от времени его охватывали приступы дикой подозрительности, стремительно перераставшие в паранойю. Тогда лже-Григорию представлялось, что за ним следят, кругом установлены подслушивающие устройства. Радиоточки, квартирные телефоны, старые телевизоры в громоздких корпусах – идеальные места для того, чтобы смонтировать их... Когда приступ заболевания доходил до своего пика, Скворцов, будем

все же называть его этим именем, принимался последовательно разбирать все находившиеся рядом бытовые приборы.

Когда постепенно возвращался в реальность, собственная подозрительность казалась напрасной. Начинал все привинчивать обратно.

Предпоследнее лечение не сделало его психику полностью здоровой. Но, как ни странно, приступы паранойи исчезли. При этом навык раскручивать, добираясь до нутра, различные типы бытовой аппаратуры – остался.

- Все ясно... Вот здесь резистор износился. – Скворцов подергал маленький черный барабанчик с торчавшим из него штырем. На него была надета рукоятка. Радиоточка вновь заговорила.

Рекламировали средства от ревматизма. Псих увернул звук и поставил громкоговоритель на стол.

- Ловко вы это. Но еще закрыть... - Дарья Дмитриевна смотрела на беспорядочно разбросанные по комоду винты и картонную крышку. Радовало, что после долгого молчания радиоприемник снова заработает.

Ее смутило выражение лица квартиранта: оно стало отупелым.

Скворцов смотрел на развинченный громкоговоритель и чувствовал, как сознание захлестывает волна неприятных ассоциаций. Он плохо себя чувствовал – сказывалось чудовищное напряжение последних дней. В таком состоянии мог сорваться. Упасть в хорошо знакомый черный колодец. Оттуда могут достать, - это он отлично усвоил, - только в психбольнице.

«Нет! Только не паранойя! От нее я вылечился, избавился», - огромным усилием воли Григорий отогнал цепь логических рассуждений, вертевшуюся в уме и не сулившую ничего хорошего: «Зачем я разобрал этот приемник? – Он сразу показался мне подозрительным. – Как и эта старуха. – А не подстава ли это? – Слишком все хорошо. – Хотят заманить в ловушку. – Сдать квартиру. Прослушивать меня здесь и потом взять с поличным. Старуха наверняка ничего не знает. Ее используют втемную...»

Наваждение отступило. Скворцов глубоко вздохнул. Потер ладонью затылок. От тревожных рассуждений начинала побаливать голова. «Отдохнуть бы...» Представил, как падает на кровать... Уткнуться лицо в подушку. В течении нескольких суток вставать лишь изредка. Чтобы дойти до туалета, рядом – в ванной комнате – жадно выпить из крана десяток глотков холодной воды. Следом повалиться обратно...

- Я снимаю вашу комнату. Приемник завтра с утра закручу, - в изнеможении лже-Григорий уселся на тахту. Чувствовал: с ним далеко не все в порядке. Хотя «порядок», применительно к его душе, - понятие условное...

Лучше бы старуха сейчас оставила его в покое.

Евграф Тюрморезов в прошлом

И все же поп Иван возился с маленьким Тюрморезовым не только потому, что видел в этом свой долг. Евграф был незаурядным мальчиком. Немногословие и замкнутость укрывали от собеседника, как шторой, все, что происходило в его душе. Но несмотря на это священнику несколько раз удалось проникнуть в его внутренний мир.

Там жили яркие, странные образы: ангел смерти, который отделялся от своего изображения и бродил по темным углам церкви, сморщенная старушка-служительница. Она помогала священнику по церковному хозяйству, а на самом деле была перевоплощением божественного лика, изображенного в храме под самым куполом.

Поп Иван пытался отыскать в душе Евграфа темный угол, мрачную зону, которая давит на весь характер мальчика, делает его непохожим на остальных. Но у него ничего не получалось. Или мрачной зоны не было?.. Однажды осенью поп Иван убедился в ее существовании.

Евграф появился на темном церковном дворе еще когда храм был закрыт. Служка, - та самая, казавшаяся ему воплощением божественного лика с фрески,- распахнула тяжелую, окованную железом дверь.

Оказавшись внутри, Тюрморезов сразу направился к столику, на котором были установлены поминальные свечи. Давно привыкшая к странному мальчику служка принялась подметать веником пол.

Евграф вел себя очень тихо. Вскоре она позабыла о его присутствии.

Через час приехал поп Иван. Он не знал, что мальчик уже в церкви. Священник несколько раз проходил через весь храм, но Евграф ему на глаза не попадался.

Минуло полдня. Поп Иван ждал мальчика. Привыкший обедать в обществе Евграфа, на этот раз он трапезничал в одиночестве. Беспокойство нарастало. «Где может быть Тюрморезов?!»

Он был уверен: отсутствие мальчика не случайно. Что-то произошло.

После обеда батюшка продолжал высматривать мальчика в церкви, - не пришел ли? Но Евграфа по-прежнему не было.

Пожилая служка отлучилась в соседнюю деревню, где помогала на поминках. Вернувшись, - было около семи вечера, - она рассказала батюшке, что рано утром впустила Евграфа в храм.

После этого тревога попа Ивана только усилилась. Он попросил служку сходить к Тюрморезовым домой, проведать – там ли мальчик. С оханьями пожилая женщина вновь покинула церковь. У нее болели ноги. В этот день она уже проделала пешком немалый путь. Но у попа Ивана тоже были в храме дела, которые он не мог бросить.

Прошло еще долгих полтора часа. Наконец, служка вернулась: Евграфа с раннего утра дома не было. Поп Иван решил немедленно пройтись по полям вокруг деревни. Поискать мальчика там. Но в этот момент в разговор священника и служки вмешалась одна старушка - прихожанка храма. «Я видела Евграфа несколько часов назад здесь, в храме, - сказала она. – Мелькнул на мгновение, а потом исчез. Даже подумала, что мне померещилось».

Это обстоятельство показалось священнику особенно странным. «Что это значит?» Поп Иван покинул алтарь и медленно пошел по церкви. Прихожан в этот вечер было мало. Не пришло и большинство старушек, которые всегда помогали священнику.

Батюшка замечал, что атмосфера в храме отличается от привычной. Под его сводами в другие дни непременно горело множество свечей. Их сияние позволяло попу Ивану не пользоваться электричеством. Старая проводка вполне могла стать причиной пожара...

Теперь же кругом был полумрак: наступило время зажечь лампочки.

«Несколько часов назад он был здесь. Но я повсюду искал его!.. Почему же таки не увидел?»

Батюшка продолжал всматривался в темные приделы храма. Мальчика нигде не было.

Какое-то странное чувство не давало ему прекратить поиски. Он принялся последовательно, квадратный метр за квадратным метром изучать внутренности церкви. При этом был готов к самому ужасному: вместо живого мальчика найти его мертвое тело...

Батюшка обошел весь храм. И в конце концов начал проклинать себя за напрасные поиски. Потратил на них много времени!.. А Евграф в это время лежит под темным небом на проселочной дороге. Уткнувшись лицом в землю и неловко поджав под себя левую ногу. Как тогда, когда поп Иван увидел его впервые.

Батюшка быстрым шагом двинулся к выходу из церкви. Но какой-то мгновенный порыв заставил его свернуть с пути и подойти к поминальному столику. Пару секунд он рассматривал горевшие свечи.

И только после этого, наконец, заметил у стены рядом с «кануном» младшего Тюрморезова. Взгляд мальчика был уставлен куда-то в пол, выложенный керамической плиткой. Он как будто бы не видел священника.

Батюшке показалось: Евграф в каком-то странном ступоре, сознание его отключено.

От неожиданной встречи попа Ивана охватило оцепенение. Он не шевелился. Не мог понять, как получилось, что прежде, подходя к поминальному столику и осматривая углы вокруг него, не увидел Евграфа. Или его здесь не было? Но откуда тогда появился?

Вдруг Евграф повернул голову и уставил свой взгляд на священника.

- Я целый день прятался от тебя!.. В этой церкви много мест. Только я тебе о них не скажу...

Следом Евграф попросил батюшку сделать шаг в сторону. Поп Иван, слишком уставший за целый день от волнений и окончательно сбитый с толка, послушно выполнил «предписание»...

Хоть его и нельзя было назвать толстяком, молодой священник обладал значительным весом – был высокого роста, широк в плечах и кости...

Черная ряса попа Ивана колыхнулась, когда он сделал тяжелый, усталый шаг в сторону...

Твердая опора, которая была под ногами священника, - выложенный плиткой пол, - разверзлась. Он рухнул вниз.

Прошлое Евграфа Тюрморезова

Ободрав о края пролома руки и плечи, батюшка упал на какой-то камень, ноги его подломились. Тут же повалился на бок. Священника охватил ужас. Кругом была тухлая жижа. На мгновения ему показалось, что захлебнется в ней, утонет.

Псих

- А деньги-то... - пробормотала Дарья Дмитриевна неуверенно. Показалось, что квартирант уже заснул. Прямо на стуле.

- Да... Деньги. Я вам за все заплачу, - он не открывал глаз

Псих изо всех сил сдерживался, чтобы не наорать на старуху. Ее «дурацкие» вопросы бесили его.

- Давайте! – подбоченясь, строго произнесла Дарья Дмитриевна.

Псих ощутил: точка перелома – вот она. Либо он сейчас все испортит, либо...

Засунул руку в карман и выгреб свою последнюю наличность: несколько тысячных купюр, монеты... Бросил на стол.

Пятирублевка покатила по поверхности. Ударившись о корпус радиоточки, со стуком упала. Скворцов уже расправлял бумажки.

- Этого мало, - проговорила старуха.

- Но дней за десять-то хватит, - Псих поднял на нее глаза. Впервые вымучил на своем лице улыбку. – Завтра вот радиоприемник вам починю...

- Мне разговоры разговаривать некогда. Или платите, сколько вам сказали, или вот вам бог, а вот – порог.

Старуха вдруг забеспокоилась о радиоприемнике. Представилось: несостоявшийся квартирант сгребет со стола деньги и уйдет. А она пальцами с едва гнущимися больными суставами начнет приделывать обратно эту картонную крышку. «Не смогу... Придется просто обвязать все бумажной веревкой. Будет некрасиво. Ай, как нехорошо без крышки!»

- Я завтра... Самое позднее послезавтра вам доплачу!.. Ничем не рискуете: я же вам кое что вперед уплатил. Ну же, Дарья Дмитриевна, дайте починить радиоточку старому

радиоинженеру у которого через пару дней зарплата! – Псих вновь улыбнулся. Теперь в его лице можно было даже рассмотреть намек на обаяние.

- Так вы инженер! – старуха расплылась в ответной улыбке. – Профессия серьезная. То-то я смотрю, как ловко вы его раскрутили...

Евграф Тюморезов в прошлом

Построенная еще при Николае Первом на деньги богатого купца, происходившего из этих мест, старая деревенская церковь давно нуждалась в ремонте.

Дождливой осенью подвал затапливало водой, фундамент храма местами просел вниз. В одном месте за алтарем кирпичи пола провалились в подвал. Но громоздкая церковная утварь загораживала это место и батюшка до сих пор не обратил на него внимания.

Тюморезов, проводивший в церкви большую часть свободного времени, с самого начала полюбил валяться на полу. Делал он это в разных приделах храма и очень скоро обнаружил и эту дыру, за которой – темнота подвала, и несколько других, образовавшихся совсем недавно.

Евграф заранее расшатал кирпичи вокруг пролома. Дождавшись, когда в церкви останется лишь старая невнимательная служка, он вынул их. Теперь дыра была достаточно широкой, чтобы Тюморезов мог в нее протиснуться. Он снял с поминального столика горевшую свечу, спустился в подземелье.

Под храмом было пусто. Лишь замшелые своды, полузатопленные камеры...

Хорошо видно, что фундамент церкви оседает. Некоторые его части проваливались вниз сильнее других. В местах перекоса кирпичная кладка арочных сводов трескалась. К тем проломам, которые уже существовали в полу церкви, вскоре добавится еще множество...

После алтаря самая широкая щель образовалась рядом с поминальным столиком. Кирпичи вокруг нее еле держались. Сверху они были прикрыты керамической плиткой, поэтому ни служка, ни поп Иван, ни прихожане пока ничего не замечали.

Через несколько дней после первой «экскурсии», Евграф тайно спустил в подземелье старую маленькую лестничку. Ей редко пользовались. Пропажи никто не заметил. Затем у плотника, выполнявшего какие-то работы в домике при церкви, украл молоток. Приставив лестничку к выступу в стене подземелья, Тюморезов принялся работать молотком.

Он выбирал моменты, когда в церкви было пустынно и поблизости не стоял поп Иван или кто-то служек. Работать старался как можно тише.

За несколько дней расшатал кирпичи под тем местом, что находилось паре шагов от «кануна». Но сделал это так расчетливо, что пока еще у пола хватало прочности выдержать наступившего на него человека.

Оказавшись этим утром в церкви, Тюморезов улучил момент и незаметно юркнул в подвал. Спички у него были с собой, а свечи, украденные «у святых», заранее припасены в сухом местечке.

Глава третья.

КАК СТАТЬ БОГАТЫМ, НЕ ИМЕЯ СПРАВОК И ПОРУЧИТЕЛЕЙ

Лопухий Миша.

- У меня нет ни справок, ни поручителей... Точно?- проговорил звероподобный субъект, едва пропустив гостя, «персонального менеджера» из фирмы ООО «Быстрые деньги на дом», в дверь квартиры.

- Что точно?.. –увидев заемщика, который сегодня утром позвонил им в контору по телефону, молодой человек растерялся: будущий должник был внушительного роста, а по обеим сторонам круглой большой головы торчали бледно-розовые, широкие, как радиолокаторы, уши.

Михаил, - так звали хозяина жилья, - подбоченился. Тщательно выговаривая слова и плотно сжимая после каждого из них губы, - оттого речь делалась длиннее, - произнес:

- Соответствует ли то, что есть на самом деле, тому, что вы указываете в своей рекламе. Вот, что я имел ввиду... Заявленное и объявленное, то, что сказано и то, что будет. Я верю в сказки. Но их волны разбиваются о скалы моего реализма. Я спокоен...

- Да. Конечно. Вы получаете кредит по одному паспорту, - пробормотал смущенный персональный менеджер и исподтишка осмотрел коридор. Квартира была коммунальной. В дальнем конце коридора из двери высунулась голова какой-то тетки. Ей явно было любопытно, кто пришел. «Мы здесь не одни: народу тут должно быть много. Ишь, какой клоповник!..» - с презрением подумал молодой человек. Словно в подтверждение его мыслей еще одна дверь раскрылась. Оттуда вышел, двинулся по коридору в их сторону лысый дядечка лет шестидесяти.

Тревога, которую испытал молодой человек в первые мгновения, мгновенно улетучилась.

- Вы сообщили, что вам нужно две тысячи долларов, - проговорил он. - Но это будет в рублях. В пересчете... Хотите – чуть больше.

- Здесь не надо... - лопухий засуетился. – Поговорим в моей комнате. Тут все любопытные.

Лопухий верзила глянул не медленно приближавшегося соседа. Тот не отрывал от них глаз.

- Сюда... - лопухий схватил молодого человека за руку и потянул к двери в ближайшую комнату. Она была распахнута. Втолкнув «персонального менеджера» за порог, Миша закрыл дверь, повернув на два оборота рукоять старенького английского замка.

Под его металлический лязг, раздававшийся за спиной, менеджер рассматривал неказистую обстановку. Молодой человек никогда не бывал в старых коммунальных квартирах.

Узенькая и короткая старая тахта, застеленная пледом... «У него должны свисать с нее ноги» - подумал «персональный менеджер» о лопухом. Старый буфет с грязным треснувшим стеклом, за которым виднелись разномастные чашки с блюдцами, рюмки, старомодный графин, тарелки разного размера, поставленные одна на другую. Когда-то все это было частью нарядных сервизов. Их доставали по праздникам, чтобы поставить на стол для приема гостей. Большая часть посуды давно разбилась и лишь жалкие остатки, - в трещинах, со щербатыми краями до сих пор хранилась в буфете на полке, сделанной из цельной толстой доски. Круглый стол, накрытый запыленной скатертью с «золотой» бахромой. На нем лежал российский паспорт в потрепанной красной обложке.

Ближе к окну, - стекло его было таким же грязным, как и те, что в дверцах буфета, - громоздился платяной шкаф. В углах под потолком ключьями висела паутина.

«На ремонт что ли одалживает?» - предположил гость и шагнул к столу. Два приставленных к нему венских стула были с обвалившимися вертикальными рейками на спинках. Покосившиеся, они образовывали на обоих стульях два креста «XX». – «Точно: он недавно завладел этой комнатой и хочет обновить обстановку!»

Молодой человек любил простоту, ясность во всем и старался всему найти заурядное объяснение.

Лопухий проживал в этой комнате с рождения. Когда-то здесь жили еще его бабка с дедом и мать. Мыслей что-либо менять в здешней обстановке у Миши не было. Его все устраивало. Деньги он занимал для других целей.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Евграф успел изучить залитое водой подземелье. Теперь он спокойно, ни разу не замочив сапожек, пробрался к лестнице. Еще неделю назад он бросил в грязную жижу, которой был покрыт низ подвала, кирпичи. По ним можно было переходить с места на место.

За пару часов до того, как поп Иван появился в церкви, мальчик окончательно расшатал кирпичную кладку арочного свода рядом с «кануном». Она теперь еле держалась и готова была в любой момент рухнуть вниз.

Евграф не надеялся, что в западню попадет сам священник. Какая-нибудь богомолка, может - старая служка. Она подойдет к поминальному столику убрать свечные огарки... Ему и ее будет достаточно.

Такие сумасшедшие, как Тюрморезов, часто совершают поступки, мотивы которых не могут объяснить даже себе. При этом их способности творить зло велики.

Сделать сложную ловушку и терпеливо ждать, когда кто-нибудь из взрослых попадетс... Такое для маленького психа – задача, которую может решить с легкостью.

От Евграфа можно было ожидать и больших «подвигов». Без особых усилий мог осуществить значительно более изощренную и жестокую операцию. Зажечь, к примеру, храм, когда в нем полно народа. Во время многолюдных крестин или венчания. Подпереть массивные входные двери снаружи колом.

Слава богу, в сельской церкви давно не собирались толпы. И шансы стать жертвами были, главным образом, у богомольных старух.

Да и Тюрморезов не предполагал совершать особенные «подвиги». Не рассчитывал ни на какой «выдающийся» результат.

О последствиях не думал. Собираясь нанести людям вред, ни разу не почувствовал угрызений совести.

Вечер выдался безлюдный. Все ухищрения Тюрморезова оказались напрасны. Просидев почти целый день в сыром и холодном подземелье он в конце концов не выдержал и поднялся наверх. Прошелся, держась темных стен, по церкви. Увидел попу Ивана. По тому, как тот заглядывал в темные церковные приделы, Евграф догадался, что батюшка его ищет.

Тюрморезову не хотелось встречаться с попом. Его раздражало, что в ловушку до сих пор никто не попался. Разговор со священником, наверняка, затянется надолго. Евграф может пропустить самое главное.

Неожиданно священник повернул к «кануну». Тюрморезов испытал воодушевление. Ступая на цыпочках, двинулся вслед за батюшкой. Тот рассматривал темные углы и не замечал Евграфа, который находился за его спиной.

Священник прошел совсем близко от опасного места, остановился возле поминального столика. Чуть бы правее - и Тюрморезов мог бы торжествовать победу!..

Мальчик испытал разочарование. Они все будут ходить мимо, но никто не наступит, куда нужно! Ждать бесполезно.

Расстроенный Тюрморезов приблизился к попу и встал у стены. Он больше не прятался от священника, но тот его не видел.

Наконец батюшка уставил на него взгляд.

Евграфа душила злость: ничего не вышло! Хотя священник - всего в каком-нибудь шаге от того самого места! Он хотел взять попу Ивана за руку и медленно повести его за собой, так чтобы тот прошелся по ловушке. Но вместо этого нетерпеливый Тюрморезов просто попросил батюшку сделать шаг в сторону...

Лопухий Миша.

Лопоухий Миша не был богатым человеком и не владел элитным жильем, но на новых московских окраинах бывал редко, - презрительно называл современные спальные районы у кольцевой автодороги «клоповниками». Хотя на огромное вместилище насекомых, - как отметил про себя и побывавший у него в гостях «персональный менеджер», - больше походил его собственный старый дом с коммунальными квартирами. Впрочем, дом считался памятником архитектуры.

Сейчас лопоухого занесло на самую окраину. Это была конечная станция метро. Выйдя из вестибюля, Миша сразу увидел на противоположной стороне площади вывеску: банк располагался в первом этаже старого административного здания. Лопоухий подошел к светофору, остановился. Горел красный.

Весна была ранней, сухой и солнечной. Впрочем, особого контраста с последним зимним месяцем не было. Уже в январе почти исчез снег, а в феврале, ярко светя в голубом небе, начало припекать солнце. Ступив на проезжую часть, когда горел желтый и через перекресток еще неслись автомобили, лопоухий с удовольствием отметил: погода ему благоприятствует.

Он ненавидел сырые, пасмурные дни. Особенно их вечера, когда вокруг черно и городские огни расплываются в тумане. Тогда Миша не находил себе места. Охватывала чудовищная тоска. Глядя на внушительную фигуру, на зверскую физиономию, никто не мог заподозрить в нем подобной эмоциональности. Она делала его слабым, - лопоухий знал это...

Было приятно, что тепло и солнечно. Значит, у него не станут путаться мысли. Он сможет четко и до конца выполнить все черные намерения...

Вот и банк. Перед автоматическими дверьми Миша остановился. Лишь дождавшись, когда они разъедутся в стороны на всю ширину, медленно прошел внутрь. Лопоухий казался себе большим и нескладным, эдаким «слоном в посудной лавке». При общении с «приличными» людьми и в «приличных» местах на него находила особенная осторожность, скованность в движениях. Все боялся разбить, сломать что-нибудь.

В банке, когда сообщил, что хочет поговорить насчет кредита, из-за стойки вышла молодая девушка. Предложила место в зале: стул за изящным простеньким столиком с синей крышкой из пластика. Блестящие металлические ножки столика расходились в стороны, как опоры у гимнастического «коня».

Девушка ушла обратно за стойку, а когда вернулась - положила перед Мишей папку из кожзаменителя, полную бумаг.

- По паспорту?

- Да, - уверенно ответил лопоухий. Это был не первый кредит, который вешал на себя в последнее время. Набравшись опыта, хорошо знал, что и как говорить.

- Вы знаете, мы выдаем кредит по одному паспорту только в случае, если у вас уже есть кредитная история...

- У меня такая большая кредитная история, что вы обалдеете, - самодовольно проговорил Миша и тут же пожалел о сказанном.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Когда поп Иван барахтался в грязной и холодной воде на полу подземелья, ему послышался смех. Раздавался где-то под сводами церкви и доносился до него через пролом. Или ему показалось?

Наконец, батюшка поднялся из воды. В подземелье темно, но через дыру сверху проникало немного света.

Он принялся звать Евграфа. Тот не откликнулся.

«Мне не послышалось. Это он смеялся!» - подумал поп Иван.

Батюшка принялся звать на помощь, но церковь была пуста...

Лопухий Миша

Погода стремительно, за несколько часов, испортилась. Небо заволокли грязно-серые тучи, стало темно, как поздней осенью. Невесть откуда взялся холодный сырой ветер. Ни по одному из кредитов, которые он набрал в банках, Миша не вернул ни копейки: все деньги занял в течение последнего месяца, срок расплаты еще не наступил.

В сегодняшнем банке выдать заем отказались. Лопухий попытался скандалить, но на девушку это не произвело впечатления. Она позвала начальницу. Та холодно объяснила ему: для них имеют значение только кредиты, по которым он благополучно расплатился.

Лопухий вернулся с окраины в свой старый район ни с чем. Попытался сосчитать, сколько заемных средств хранится в спортивной сумке под его тахтой, сколько – на счете в «Сбербанке», но мысли путались... Одно представлялось четко: до требуемой величины свой «совокупный капитал» еще не довел. Времени на это становилось все меньше и меньше. Главное – с трудом представлял, куда еще можно обратиться за кредитом.

Друзья из «Группы личностей», к которой принадлежал, скоро потребуют, чтобы осуществил задуманное.

Миша отпустил дверь метро. Ее тут же перехватил следующий человек. У выхода из станции сновали толпы народа. До подъезда верзиле - примерно с минуту ходьбы.

На пятачке между метро и его домом любили собираться самые разные люди. Они притекали сюда из близрасположенных улиц и не торопились заходить в вестибюль станции: бродяги, которым некуда ехать, работники офисов, желавшие выпить, но не привыкшие посещать кафе, распространители листовок...

Верзила затосковал. Подумал с ненавистью: «Проклятый город!» Рожки навстречу попадались отвратительные. На всех лежала серая печать. «Дети дьявола! Смотрят на меня со злостью. Всем я не нравлюсь, - неслось в голове у Миши. – Небось, потешаются втайне над моими ушами... Тоска!»

Стугтившиеся черные мысли вызвали странную реакцию: верзила неожиданно испытал душевный подъем. Задуманный план, настолько смелый, что нет-нет, да и заставлял сомневаться в его правильности, показался единственным способом одолеть... Что? «Все это»: площадь перед метро, «проклятую» жизнь, снующих перед его глазами людишек, работу, на которую Миша, испытывая невероятные муки, через силу ходил уже длительное время...

Вот и его большой, серый, бесформенный, как куча щебня, дом. Черная дыра подъезда. Дверь, обычно запертая домофоном, теперь раскрыта настежь. Лопухий испытал беспокойство... Тут же прогнал его, - если кто-то покусится на спрятанные под тахтой деньги, распахивать дверь подъезда настежь ему вовсе ни к чему. Тусклый свет лампочки освещал старую лестницу, шахту лифта. Она была огорожена металлической сеткой, выкрашенной в серый цвет.

«Как только окажусь в комнате, лягу на тахту и буду лежать на ней, думать до тех пор, пока не выдумаю, где занять еще денег» - решил верзила.

Тут же он вспомнил об еще одном деле, выполнение которого до сих пор затягивал. А ведь оно было в Мишином плане главным. Без его успешного осуществления нечего было и думать обо всем остальном.

Настроение Миши упало. Он вошел в подъезд, стал энергично подниматься по лестнице. Решительной ходьбой пытался развеять страхи и сомнения, усиливавшиеся в душе.

У перил лестницы на расстоянии одного пролета от двери подъезда стояли парень с девушкой. Снизу за решеткой лифта он их не заметил.

Парень что-то рассказывал подруге, а она курила и молча слушала. Должно быть, стоя на этом месте, она спалила не одну сигарету. Пол возле загибавшихся и мчавшихся вверх лестничных перил усыпан пеплом.

- Вернулся порожняком. Машину бросил и пошел. Опять эти... Точно!.. Говорят, полиция теперь ходит по квартирам и обыскивает всех подряд... - расслышал Миша, пока отпирал дверь квартиры. Парочка стояла в паре метров от нее.

Лопоухий не мог припомнить этих молодых людей. Прежде их в своем подъезде не встречал. Впрочем, дверь была раскрыта, - они могли просто зайти с улицы. Вот только зачем? Искали уединения?

Миша слишком устал, чтобы ломать голову над такими вопросами.

- Хватит брехать! – громко произнесла девушка и сплюнула сквозь зубы на пол.

Верзила прошел внутрь, захлопнул за собой дверь.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Только через три часа глуховатая служка расслышала крики батюшки. Она принесла свечи. Потом дошла до дома, который был расположен к церкви ближе остальных, позвала оттуда людей. Они и помогли попу Ивану выбраться из подземелья.

Евграф исчез. Однако потом кто-то из мужиков, помогавших батюшке, рассказал: видел парнишку возле церковной ограды, - через открытую дверь храма тот пытался рассмотреть, что происходит внутри.

Глава четвертая.

ДВА БУТЕРБРОДА С КОЛБАСОЙ И БУТЫЛКА КЕФИРА

Максим Косопузov

Напряжение, связанное с «Группой личностей», с каждым днем усиливалось. Тем вечером, когда лопоухий Миша пытался взять в банке очередной кредит, на столичном мясоперерабатывающем комбинате замерло производство. Сотни грузовых автомобилей, выехавших со своих баз за его продукцией, вернулись ни с чем. Отчего возник перебой в работе, так и осталось неизвестным. Официальная версия гласила: «Профилактическая остановка». Даже рабочие не верили в нее. Прежде о профилактических работах объявлялось заранее.

Один из слухов заключался в том, что толи на мясокомбинате уже был произведен, то ли в последний момент предотвращен акт массового отравления готовой продукции. Якобы один из работников, имевший доступ к процессу производства, был членом «Группы личностей».

Давно известно: общество с каждым годом становится все более неоднородным не только в смысле доходов и материального благополучия. Тогда как одни с нетерпением ловили каждую новую информацию о «Группе личностей», другие не интересовались ей вовсе, полагая, «и без нас разберутся».

Одним из таких «не интересовавшихся» был Максим Максимилианович Косопузov, мужчина средних лет. В немалой степени благодаря своему спокойствию, переходящему в равнодушие, он дослужился до начальника отдела продаж небольшой компании. Та занималась поставками импортного оборудования. Для фармацевтической промышленности.

Этим утром он сидел в рабочем кабинете за новеньким столом и читал снятые с сетевого принтера, стоявшего здесь же, в комнате, резюме кандидатов. Предстояло выбрать нового менеджера по продажам.

Начальник отдела чувствовал себя прекрасно. Несмотря на все экономические сложности, спрос на продукцию отрасли в которой работал, постоянно подпитывался старением населения. Соответственно, требовалось и производственное оборудование. И вот недавно в отдел Максима Максимилиановича решено нанять еще одного сотрудника.

Максим Максимилианович подошел к решению задачи просто: ему не нужны самые лучшие. Нужен такой, с которым его положению начальника ничто бы не угрожало. Тем более, как искренне считал Косопузов, особых способностей в деле продаж не требуется. Достаточно старательности и послушания.

Косопузов посмотрел на новенький портфель, стоявший на подоконнике. Замок с напылением под золото поблескивал в лучах солнца. После вчерашней хмари оно вновь сияло в небе. Гладкая натуральная кожа слегка отражала яркий утренний свет. Портфель Максим приобрел неделю назад, едва узнал, что директор повышает ему зарплату, дает под его начало еще одного человека.

Косопузов отвел взгляд от портфеля, положил распечатанные резюме кандидатов на новенький стол, сам полез в тумбочку. Там в нижнем просторном отделении были спрятаны литровая бутылка с кефиром и два бутерброда с вареной колбасой. Хрустнув пломбой, Косопузов отвинтил с бутылки пробочку, сделал большой глоток, потом еще... Утром, до работы, он торопился, а потому не смог нормально позавтракать, - наскоро съел пригоревшую яичницу из двух яиц, половину оставив на сковородке, а вот напиток чаю не успел. Теперь кефир пришелся как нельзя кстати. Жажда уменьшилась.

Максим Максимилианович выпил еще. Почувствовал голод, хотя время, назначенное им самим для второго завтрака, еще не подошло. Но «ради праздничка» решил изменить распорядок. Достал полиэтиленовый пакетик с бутербродами, - толстыми кругами розовой колбасы на тонких ломтиках черного хлеба. Взял один, принялся жевать, стараясь не ронять крошек.

Взгляд блуждал по белым стенам кабинета, по собственному столу, пока, наконец, не уперся в резюме. Невольно Косопузов прочел несколько строк, потом еще...

К тому моменту, когда с первым бутербродом было покончено, Косопузов уже успел познакомиться с жизнеописаниями всех кандидатов. Одного Максим Максимилианович отметил сразу, - в его резюме внизу было указано желаемое вознаграждение за труд. Оно было лишь немногим меньше получаемого самим Косопузовым.

Фирма была небольшой и Максим Максимилианович был в ней «тем еще» начальником. Большую часть решений по его отделу принимал сам директор. Косопузов лишь сообщал о них подчиненным. Разница в зарплатах между ним и его сотрудниками была невелика, и это было предметом особой горести Максима Максимилиановича.

Поднимать косопузовскую зарплату директор не торопился. Для новой вакансии предлагал зарплату почти такую же, как и у Максима. Заявить для нее оклад намного ниже «начальнического» означало отсеять сколь-нибудь нормальных кандидатов.

«Так ли это на самом деле?! – негодовал про себя Максим Максимилианович и доставал из пакета второй бутерброд. – Это директор *так* думает! А кругом полно отличных специалистов, готовых ишачить за гроши».

Отложил в сторону резюме кандидата с «завышенными ожиданиями». Два других соискателя внимания не привлекли. Их трудовые биографии показались ему вполне заурядными. Вроде бы все нормально, но он искал чего-то иного. «Доказать ему, что классные менеджеры готовы работать и за скромные деньги!» - распалялся Максим Максимилианович, энергично пережевывая остатки второго бутерброда. Запихнув их в рот, протянул руку за пластиковой бутылкой в ящике. Сделал энергичный глоток.

Тех людей, что уже работали в его отделе, нанимал не Косопузов. Когда-то он и сам пришел в фирму работать обычным продавцом, пока, наконец, директор не решил, что стоит создать промежуточное звено между собой и сотрудниками, - в виде начальника отдела. Теперь Максиму Максимилиановичу показалось: настал прекрасный момент «повернуть дело по-своему».

«В конце концов, если новый менеджер станет прекрасно работать и достигнет выдающегося результата, почему бы не потребовать деньги...Те, что я сэкономил на его зарплате, в качестве прибавки к своей?» - мечтал начальник отдела.

К этому моменту, самому себе не признаваясь, да и не в силах осознать этого факта, он уже прочно стоял на пути содействия психопатам, вернее – одному из них... Тому, чье резюме лежало на столе Косопузова крайним справа: Григорий Скворцов – специалист по продвижению разнообразных товаров.

Такие, как Косопузов, являются идеальной находкой для сумасшедших. Погрязшие в своих мелочных амбициях, они зачастую ведут себя совершенно нелогично. Конечно, их стиль поведения обусловлен не заболеванием. Если только не считать определенные черты характера заболеванием нравственным.

Тысячи Косопузовых мостят удобную дорогу десяткам лже-Скворцовых, - опасным личностям, задумывающим черные дела.

Допив кефир, Косопузов принялся внимательно рассматривать последнее оставшееся непрочитанным резюме. Надо сказать, Максим Максимилианович обладал неким чутьем, которое позволяло ему предвидеть события из будущего. Например, сейчас ему казалось, что именно кандидат, чье резюме он прочтет последним, заинтересует его больше всего.

Впрочем, возможно он краем глаза, сам того не осознавая, когда жевал бутерброд, успел прочесть какие-то пункты из резюме Скворцова.

Евграф Тюрморезов в прошлом

Первые пятнадцать минут после того, как с помощью деревенского мужика он выбрался из подземелья, поп Иван бодро расхаживал по церкви. Потом почувствовал сильную боль в ноге. Опустился на пол в нескольких метрах от «кануна» и злополучного пролома. Деревенский мужик, подсобный рабочий развалившегося совхоза, который вызволял батюшку из подземелья, опустился рядом с ним на корточки. Ощупал ногу попа Ивана. Когда-то давно этот рабочий получал специальное образование в городе в медучилище. Потом в армии служил фельдшером. С тех пор медициной не занимался, был подсобным рабочим в акционерном обществе, оставшемся от совхоза, но кое-какие навыки из прежней жизни сохранились.

Рабочий с уверенностью сообщил, что у попа Ивана сломана лодыжка...

Батюшка, тем временем, не переставая думал о Тюрморезове. В голове его крутились разные мысли, но без того, чтобы разыскать Евграфа и поговорить с ним, разобраться в них невозможно. Со сломанной ногой мог рассчитывать на встречу с мальчишкой, только если тот сам придет к нему.

Бывший фельдшер и еще один мужичок помогли попу Ивану доковылять до домика. Там батюшка был уложен на кровать покойного священника, покрытую мягкой периной, - она уже успела покрыться пылью, - и погрузился в тягостные раздумья о своем маленьком друге. «Ни в коем случае не говорить никому ни слова о Евграфе! Иначе они его затравят. Я должен сначала сам все понять».

В церковь, тем временем, собирались постоянные прихожанки – старушки из ближайших окрестностей. Новость о случившемся приобрела в их головах тревожную и странную окраску.

Разруха в церкви – какой-нибудь покосившийся крест или треснувший колокол – тут же приобретает мистическое значение в умах простого народа. Иначе, как дурное предзнаменование, люди его не воспринимают.

Пока поп Иван лежал на перине, спустившийся в подземелье плотник неожиданно обнаружил, посветив фонарем, собственный молоток, пропавший некоторое время назад.

Были обнаружены и следы других «приготовлений» Тюрморезова: заранее выдолбленные и вынутые кирпичи, маленькая лесенка. Вспомнили: некоторое время назад она странным образом исчезла.

Псих

Торопясь на собеседование Григорий ощущал прилив энергии. Вчера вечером, засыпая на неудобной постели в арендованной у старухи комнате, а особенно – сегодня утром, был уверен: всем его планам пришел конец. Придется изменить свои и его приятелям из «Группы личностей».

Скворцов ощущал накануне чудовищную депрессию. Ее одной было достаточно для того, чтобы он, до тех пор, пока она не пройдет, оказался способен лишь на одно дело: валяться на смятой постели, уткнувшись лицом в подушку. Но ведь это состояние – только начало, первый симптом. Дальше у него могло стремительно начать проявляться психическое заболевание. Григорий пролежал всю ночь, а утром очнулся, но с постели не встал, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями: что делать?.. В кармане было пусто, деньги ему должны были передать сегодня, но что сделают с ним «коллеги», если получив «подъемные» он станет целыми днями лежать пластом в арендованной комнате. Да и старухе такой жилец может не понравиться. Скворцов подумал было о том, чтобы отправиться в больницу, но ведь он жил по чужому паспорту! Что ждет его, если это вскрыется?

Лучше всего Григорию было прийти в себя и продолжить выполнять свой план. Но воли в нем в эти часы не существовало. Воля была частью его разума, души, а и то, и другое было временно парализовано болезнью. Выхода не осталось.

«Что же это?! Ведь никак это не должно было случиться сейчас» - думал Скворцов. Ранняя весна – время тяжелое. Но для него оно было нестрашным. Обострения психических болезней в такой сезон с ним никогда не случалось. «Я не вынес нервного перенапряжения!»

Он слышал какой-то звук, - что-то очень знакомое... Мелодия... Она доносилась откуда-то издалека.

Григорий встрепенулся. Да это же его собственный мобильный телефон! Тут же все звуки окружающего мира словно бы ожили для него. Как будто до этого он слышал их из-за толстой запертой двери, и вот она распахнулась настежь!

Схватив трубку, - она валялась на полу возле постели, - Григорий ткнул пальцем в зелененькую кнопку, прижал мобильник к уху.

- Григорий, здравствуйте! Вас беспокоят из компании... - прощебетал приятный девичий голосок...

Разговор занял не больше трех минут. Скворцов носился по комнате в поисках ручки и бумаги. Потом стержнем, найденным на подоконнике, на странице, вырванной из старого настенного календаря, записывал адрес компании. Его пригласили на собеседование! Оно должно состояться сегодня в час дня.

После этого телефонного разговора состояние Скворцова резко переменялось. Он воспрял к жизни. «Получилось!..» Впервые в жизни кто-то откликнулся на высланное им резюме. Собственно, и само резюме было первым, которые он когда-либо кому-либо отправил.

Два дня назад, болтаясь по городу в поисках подходящей комнаты, вдруг решил: неплохо бы устроиться на работу. Вообще-то, это было необязательно: как раз сегодня он должен был получить «подъемные». Но у лже-Григория были свои далеко идущие планы. Дружба с людьми из «Группы личностей» могла и кончиться...

Психопаты далеко не всегда бывают неудачниками, не способными на тщательно продуманные действия. Такие, которые требуют от человека планирования отдаленного будущего. Почти никогда они не бывают расслабленными безумцами. Из тех, что способны жить лишь своими искривленными впечатлениями от сегодняшнего дня. Как правило, чем более ненормально функционирует психика такого человека, тем изощренней его жизненные планы, тем на большую перспективу он смотрит вперед.

Именно таким опасным психопатом был лже-Григорий Скворцов.

Собственное жизнеописание он создал и отправил с компьютера случайного знакомого, соседа по столику в кафе, в котором лже-Григорий оказался во время бесцельных блужданий по городу. Никогда прежде не составлял резюме. Но пошарив по сайтам, посвященным трудоустройству, понял: приличной работы без резюме не найти.

Требовалась именно приличная работа. Ему не нужен был случайный заработок, доступный всякому сброду.

Григорий мгновенно принял решение: он составит резюме. Но что он напишет в нем, если основными пунктами в его биографии давно уже были длительные побывки в психиатрических лечебницах, а те краткие периоды, в которые он выполнял какую-то работу, обычно заканчивались дикой выходкой, скандалом и увольнением? У него даже не было трудовой книжки. Вернее, была где-то, но «потерялась». С другой стороны, какое все это имело значение? Он – Григорий Скворцов, а этот человек вовсе не сумасшедший. Правда, у Григория Скворцова тоже не было трудовой книжки. Но это-то как раз – не проблема. Книжку можно приобрести там же, где и паспорт. Гораздо труднее будет заполнить ее...

Необходимо, чтобы то, что в книжке, полностью соответствовало тому, что окажется в резюме. Но туда нельзя вписать случайную информацию. Григорию следовало обыгрывать лишь подлинные эпизоды своей биографии. Он мог что-то преувеличить, причем значительно, что-то скрыть или преуменьшить, поиграть с акцентами, но полностью игнорировать свою биографию было опасно. Это Скворцов знал. Если он совсем оторвется от реальности, вероятность того, что ложь будет раскрыта, вырастет до ста процентов.

Григорий старался. Но, во-первых, его реальная трудовая биография была настолько дикой, что даже самые отчаянные приукрашивания и замалчивания не могли привести ее в более-менее подходящий вид. Во-вторых, никакого опыта в составлении резюме у Психа не было.

В конце концов он добавил в свое резюме изрядную порцию совершенно откровенной лжи, но резюме все равно вышло диким. Впрочем, Григорию оно понравилось. Он отправил его на несколько вакансий, которые нашел в Интернете.

Выйдя из кафе, Скворцов вдруг почувствовал тоску и упадок сил: «Ничего не получится. Все это бред. Такое резюме, как мое, никто и читать-то не станет. А уж приглашать меня на работу... Мне никуда не устроиться. Разве только чернорабочим. Да и то...»

Депрессия, которая после звонка с приглашением на собеседование прошла, была вызвана именно этими мыслями.

Теперь ему было ясно, что в тот момент у кафе он был чересчур пессимистичен. «Это болезнь говорила во мне!»

Состояние его стремительно улучшалось. От упадка сил не осталось и следа. Григорий припомнил, сколько у него сегодня самых разнообразных дел. Как он мог в такое утро валяться, уткнувшись лицом в подушку на смятой постели?!

Принялся снова по комнате, собирая валявшиеся в разных углах брюки, рубашку, пиджак. Зачем разбросал их накануне по комнате, - теперь объяснить бы не смог.

«Может, стоит погладить брюки?» - думал Псих в волнении.

У старухи, конечно, должен быть утюг и доска для глажения. Скворцов, - все еще в нижнем белье, - чуть приотворил дверь. Из кухни не доносилось ни звука. Из второй комнаты - тоже. Хотя Дарья Дмитриевна в это время уже не могла спать.

Скворцов был уверен: в первый день она ни за что не оставит его дома одного. «Уж не сдохла ли?» - встревожился лже-Григорий.

Но вот из соседней комнаты донеслось старухино ворчание. Григорий успокоился.

Передумал гладить брюки. Сел на стул, положив перед собой вырванный листок календаря, стержень от шариковой ручки. Надо было вспомнить, что писал в резюме. У Психа хорошая память, но даже она не сразу выдала некоторые детали. Они появлялись в

голове, как археологические находки из руин древнего, засыпанного песком города. Всех отраженных в резюме «мест работы» Григорий припомнить уже не мог. Это не испортило настроения. Накарябав на листке несколько строк, пару раз перечитал их.

Одеваясь, размышлял, где по дороге на собеседование лучше позавтракать. Потом дошло, что больше нет денег. Придется обойтись без завтрака. Напевая под нос какую-то песенку, отправился в ванную. Вымыл руки с мылом, ополоснул лицо холодной водой.

Выходя из ванной, увидел Дарью Дмитриевну, споткнулся о порожек, чуть не упал, весело пошутил что-то. Старуха пригласила его пить чай.

Псих восседал за кухонным столиком умытый и довольный. Перед ним дымилась чашка сладкого чая. Он шутил не переставая.

Легко было поверить, что это, действительно, веселый радиоинженер, - хорошо выпался и теперь собирается идти в свое конструкторское бюро. Никак не разгадать, что это опасный, сам себя не понимающий, непредсказуемый психопат, задумавший череду страшных, черных дел.

Глава пятая.

ИМЯ МНЕ – ПСИХОЗ ВОНЮЧИЙ...

Евграф Тюрморезов в прошлом

В руках у Евграфа - старый большой чемодан. Такие, правда, более скромных размеров, можно было встретить у сантехников прежней, советской закалки. Носили в них гаечные ключи, паклю, обрезки труб. Тюрморезов достал его с чердака покосившейся родительской избы.

Из множества пассажиров на перроне «древний» и нелепый багаж был только у него.

Евграф – уже не мальчик. Молодой человек! Ему восемнадцать лет.

Глянув на него, любой врач отметил бы то, что на языке медицинских записей звучит, как «недостаточное питания». Щеки парня ввалились, скулы обтянуты кожей.

Старый чемодан в худой руке казался особенно огромным. Но Евграф шагал вдоль перрона бодро.

Внутри чемодана находилась лишь одна вещь – старенькое длиннополое пальто, подаренное Евграфу соседкой, - осталось ей от покойного мужа. Поскольку осень выдалась ранней и холодной, Тюрморезов вынул пальто из чемодана, надел на себя. И тут обнаружил: сукно в правой подмышке разошлось по шву. Изнутри выпирает грязно-белая подкладка.

Евграф старался не размахивать рукой.

Он не знал, куда шагает. Но походка была уверенной, вся фигура выражала целеустремленность. Можно было подумать: парень из глубинки приехал на учебу. Его ждет студенческое общежитие. Распакует чемодан, тут же, не теряя времени, поспешит куда-нибудь через дорогу, в стены родного института.

Уже в те годы Евграф отличался способностью производить на не знавших его историю людей чрезвычайно деловое, положительное впечатление. Должно быть, выработал эту черту еще годам к шестнадцати, после того, как осознал: лучше скрывать от окружающих свое подлинное лицо.

Не учеба привела Тюрморезова в столицу. Евграф сбежал из родных мест после очередной психопатской истории. Огромный город Москва манил его возможностью затеряться среди миллионов людей.

«Имя мне – Психоз Вонючий!.. Имя мне – Психоз Вонючий!» - повторял парень, шагая по перрону с пустым чемоданом в руках. Впереди - обветшалое здание вокзала. Маленькая площадь перед ним запружена народом. Тюрморезов прекрасно осознавал:

ведет себя в жизни ненормально, не как все люди. И он был осведомлен, что это поведение – следствие болезни, которую срочно необходимо лечить. Но не собирался этого делать.

Ему было весело. Собственное поведение вызывало у него восторг. Он думал о тех, кого оставил в деревне: о попе Иване, о всех, кто так или иначе прикоснулся к его последней мрачной «истории». Изумление, скорбь и ярость, которые, как он был уверен, они испытали, вводили его в еще больший кураж. Хотелось продолжить подвиги. Что ж, он – Психоз Вонючий?.. Будет самым невероятным Психозом из тех, которые только существовали на свете!

Несчастный малый страдал еще и манией величия. Она уже развилась в нем достаточно для того, чтобы взирал на шагавших вместе с ним по перрону людей с высокомерием.

«Обычные... Не психи!»

Однако Тюрморезов не знал, что совершенное им деяние, о котором будет рассказано позже, имеет настолько тяжкие последствия, что его уже ищут. Серьезные люди из серьезной организации. И он не скроется даже в Москве.

Прежде, чем его схватят и впервые в жизни поместят в психиатрическую больницу тюремного типа на принудительное лечение, здесь, в столице, рассчитывая именно на эту многолюдность, он совершит несколько совершенно невероятных поступков, о которых так и не станет никому известно. Кроме него самого и его жертв.

«Имя мне – Психоз Вонючий!» - продолжал декламировать про себя Евграф стихотворную строку собственного недавнего сочинения.